Хор людей Без слуха

Pustoy

Pustoy

Хор людей без слуха

«Автор»
2026

Pustoy

Хор людей без слуха / Pustoy — «Автор», 2026

На завод промышленных весов приходит приглашение на гастроли. Есть только одна трудность: хор «Поворот» распался тридцать лет назад. Инга Чащина, которая последней допела на том концерте «фараон» вместо «фонари», собирается вежливо отказаться. Но бывший бас готов петь между ночными сменами в пекарне, бывшие супруги согласны сесть в разные концы автобуса, а Ингина мама вообще ждала своего первого выхода всю жизнь. За шесть недель им предстоит найти две песни, принять восемь гостей и решить, зачем среди работы, внуков и некупленных зимних сапог человеку всё-таки нужен четверг.Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

© Pustoy, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Заказное письмо 6
Глава 2. Мяса на всех не будет 9
Глава 3. Мужской размер ноль 13
Глава 4. Опытная партия 17
Глава 5. Концерт для холодильника 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Pustoy
Хор людей без слуха

Pustoy
Хор людей без слуха

Глава 1. Заказное письмо

Арбуз в контрольный цех принесли пятеро. Один держал его за дно, второй поддерживал снизу первого, трое давали советы. Сбоку на зелёную корку приклеили бумажную надпись «28 кг». Мастер участка Мила Говорова пальцем поддела двойку. Двойка отвалилась. Осталась куда более правдоподобная восьмёрка.

— Дети, у нас тут с утра платформу на тонну проверяют. И вы предлагаете положить на неё арбуз?

— Наши гости, между прочим, собственный цирковой реквизит принесли, — объяснил самый младший. — Когда полосатое, значит, праздничное настроение.

— Мы сюда на работу ходим, чтобы время от времени испытывать праздничное настроение при виде заработной платы. Остальное терпим в своих домах бесплатно. Ищите гирю.

Мужики переглянулись: начальница сегодня в духе, можно спорить. Инга Чащина положила арбуз вместе с бумажкой на алюминиевый лоток. Весы, рассчитанные на тридцать килограммов, надо было сдавать перед обедом. На табло мигнул тестовый ряд восьмёрок, затем высветилось: восемь килограммов шестьсот тридцать граммов. В Липовом Мосту таким точным весом арбуза интересовались исключительно люди с фотоаппаратом.

Проверку, конечно, делали калиброванными гирями из обитого тёмно-зелёным сукном шкафа. А с арбузами, с поросёнком за пазухой и однажды с овчаркой Берёзой на тележке приезжала районная газета. Про то, что весы пятнадцать лет служат на товарной станции и при поверках ни разу не подвели, снимка не сделаешь. Овчарку напечатали на первой странице. Весов на фотографии не было видно из-за хвоста.

— К празднику «Мерки» собирают материал, — сказала Мила. — Сегодня фотограф, через неделю опять придут. Гири пока не убирайте. Инга, ты ведь в пятницу ключи сдаёшь Филе?

— И принимаю, если он их сам сдаёт. Что?

— Тут пришло письмо, и я не знаю, кому его отдать. Нас зовут на гастроли.

— Опять? Куда нас уже приглашали, на выпускной конкурс доменных рельсов? Доехали большие весы, разложились, спели мягко и ладно. Вот нам отсюда и пожалуйста сразу в следующий бокс.

— Видишь, кому адресовано? «Клубному совету заводского хора „Поворот“». Хор у нас ещё живой?

Инга убрала алюминиевый поднос. На корке арбуза остались белые прямоугольники, от которых казалось, что на зелёной шкуре вместо приличествующих осени трещинок выросли неуверенные детские зубы.

— На прошлой неделе мимо моего окна мёртвый бас на самокате проехал, — сказала она. — Спешил в пекарню, всю лужу до дна разогнал. Ким Борисович на Восьмое марта прислал семь минут неприличных анекдотов. Голос его. А наш главный альт вышла замуж и уехала в Паневежис. С этой будет труднее. Чего они хотят?

Мила взяла из шкафчика большой жёлтый конверт. Он был надписан от руки фиолетовыми чернилами, выцветшими ровно на том месте, где сверху приклеили государственную почтовую марку с рыбой. Рыба смотрела на адресатора с одинаково искренним недовольством, каковы бы ни оказались содержание письма и его предстоящий ответ.

На столе лежали три листка и складная картонка. Организаторы фестиваля «Клубный автобус» в Долгом Поле приглашали четыре хора из соседних городов на осенние обменные гастроли. Среди гостей значился народный хор при заводском клубе весового оборудования «Поворот». На полях кто-то дописал от руки: «Одну песню ваши пели на „Летней пристани“ в

девяносто шестом. Помню даже слова про огурцы. Если вас сейчас двое, позвоните всё равно. Жанна».

— Во-первых, завод весового оборудования называется «Мерка», — сказала Инга. — Поворот называется хор. Во-вторых, народными нас никто не делал. Как-то раз бумажки были уже отпечатаны до концерта с заглавной Н, но их вовремя завернули в вату и отдали Витьке на растопку бани. В-третьих, у нас даже точный день роспуска в газете не напечатан, что редкость. Сыграли на пристани в августе, после половина устала петь при каждой встрече, другая половина сменила работу. Уже в январе никакого хора не было. Я тогда первую свою зарплату забрала весами, девять штук в коробках, так пока их по району продавала, надо было орать по пятницам на морозе. Плохо шли весы, если с запевающими голосами подбегаешь к народу. Может быть, одна я и подвела.

— Ты пела в хоре? — удивилась Мила.

Директор представлялась новым электрикам как «симпатичная Мила двадцати шести лет», хотя у неё было двое взрослых сыновей. Инга о возрасте судила по-другому. Сарафан с ландышами, в котором она пела на пристани, до сих пор сходился в груди. Зато дочь, которой теперь двадцать четыре, однажды спросила, как в таком ходили в народ, и Инга поняла, что сарафан уже считается историческим костюмом.

— Я в девятнадцать лет много чем была занята, — сказала она. — И один раз про себя услышала, что у меня грудной, настоящий голос. Тогда даже в булочную за батоном ходила так, чтобы поприветствовать продавщицу этим голосом и обязательно при ней же шепнуть её попугаю: «Бонжур, дражайший пленный». Спеть это никому не пришло в голову. Хор мой формально закончился. Письмо на все буквы адресовано к нам, сегодняшний клуб занимается бильярдом и свадебными столами. Это часть клубной жизни.

— Ответь им по-человечески, — попросила Мила. — У меня получилось: «К сожалению, вследствие отсутствия услуг музыкального формата». Прочла и выкинула. Покажи Филе, он всё-таки за клуб отвечает.

Инга надела куртку и забрала из шкафа листы с результатами проверки. Фотограф сдвинул арбуз к самому краю платформы. Лоток накренился. Инга успела перехватить плод обеими руками и сама отнесла его в буфет.

Почтовая карточка была сделана в виде самого настоящего маленького автобуса. Колёса крутились на двух серых кнопочках. За десять метров пути Инга девять раз проверила, не отскочат ли. Кондуктора за передним окном нарисовали в женской шапочке и почему-то с очень красивыми ушами. На обратной стороне было отмечено три города: Кирпичный Лог, Осиновка, Долгое Поле. Суббота, воскресенье, понедельник. И ещё на самом сгибе: приглашающая сторона организует проживание у участников партнёрских коллективов или в гостевых комнатах клуба. Проезд фестивальный, обмен означает один ответный приём в своём городе. О еде ни слова. Заводские хористы без предварительной договорённости о еде не ехали даже остановку.

У входа в клуб столкнулась с человеком, державшим перед собой отодвинутые от большого красного носа очки.

— Инга, у тебя нет волоска? — спросил Филя.

— Какая длина? — спросила она.

— Чтоб в петлю оправы пролез. Винтик выпал, без очков я его не найду, а чтобы надеть очки, мне нужен винтик. Такая вот жизнь у директора клуба. Идём. У нас в фойе заговорила уборная.

Из волоска дужку не починишь. Инга вынула невидимку из причёски, продела тонкий конец в петлю и вернула Филе очки.

С одного конца заводского клуба готовились к субботней свадьбе, из-под двери тянуло маргарином. С другого вдоль коридора висели портреты лучших работников. Инга попадалась

дважды. На первом снимке — совсем девчонка с медалью «За высокую культуру», на втором — старший контролёр с укладкой, от которой ей хотелось дождаться конца рабочего дня, зайти с отвёрткой и самой снять всю галерею. Фотографию хора давно убрали. На её месте стояла новогодняя открытка: ёлка, украшенная заводскими гирьками.

В широком фойе было пять рабочих и двое невесть откуда выскочивших детсадовцев. Над стендом «Наш праздничный край» медленно нарастал низкий рёв. Механик Влад Рябинин, чей голос Инга знала по просьбам от кладовой оставить ему коробки для аппаратуры, надел наушники и смотрел на потолок. Рёв завершился печальным журчанием воды.

— Владик, это правда голос из уборной? — спросила она.

Влад отодвинул чашку наушников. У него были большие уши, большие ботинки и привычка налаживать всё, что попадалось под руку, даже если поломки никто вокруг не замечал.

— Обычный микрофон у вентиляционной решётки, — сказал он почти со стыдом. — Я его с вечера для свадьбы выставил, пока стоял цветочный стол. Филя Иванович его сам зачем-то отвинтил, опёр о трубу. Когда воду в общем умывальнике пускают, звук идёт в зал. Я сначала слушал три раза, потому что родное было жужжание.

— Уберите, пока кто-нибудь в умывальнике не запел, — распорядилась Инга.

— А вам вообще кто-нибудь поёт в умывальнике? — спросил один детсадовец.

— Сколько угодно, — сказал Филя. — Особенно утром, пока родные ещё не могут встать и попросить тишины.

Филя придерживал починенную дужку левой рукой, а правой развернул картонный автобус. Читая дату, он вскинул брови и вдруг сделался похож на того плохо выбритого ударника, который тридцать лет назад умел петь, не выпуская из зубов прищепки.

— Через шесть недель, — сказал он. — Они совсем без ума у себя в Долгом Поле? Фабрика четыре хора соберёт, если к весне, а за шесть недель разве что только взвеситься и ехать. Да ещё за это время кто-нибудь из наших успеет передумать.

— Им ещё никто не обещал. Миле я сказала, что позвоню и откажу. Ты что, согласился бы?

— А ты что, не позвонила бы сначала людям?

Теперь у Инги было два дела. Отказать от имени давным-давно молча разбежавшегося хора или найти хотя бы одного его участника, который прежде чем отказаться, прочитал бы письмо. Глупее всего была та лёгкая радость, какая шевельнулась внутри, едва она подумала, что можно один раз взять и спросить.

Филя провернул в старом замке ключ от дальнего кабинета. Когда-то тут был паспортный стол, на полу и сейчас виднелось четыре места, где в него врезали ножки одной общей скамьи. Над пустым крюком для портретов советских руководителей на стене в углу остался кусочек старого объявления.

Инга протёрла его рукой. Отпечатанный на машинке заголовок «Есть голос? Приходите в среду» почти выгорел. Остались последние две строки, дописанные крупно, красным фломастером, довольно знакомой сильной рукой:

«Нет слуха? Приходите в четверг».

Глава 2. Мяса на всех не будет

В квартире у матери каждые проводы лета начинались одинаково. На кухне открывали холодильник. Раиса Павловна диктовала, дочь записывала, внучка вынимала на свет забытые на целую вечность сокровища и хотела их выбросить. Через сорок минут они все обнаруживали, что зимой в этой семье будут есть исключительно сливы, укроп и кости от трёх не помнящих родства супов. Мяса на всех не будет, следовательно, жить можно.

Злата вытащила за угол красного пакета замёрзшего судака. На голове у рыбы торчало что-то кучерявое, похожее на дамскую причёску.

— Это что у него?

— Фольга, — сказала Раиса Павловна. — Завернула, чтобы зубами пакет не порвал. Злата, сделай мне потом такую причёску, только чтоб без залысин на макушке.

— Бабушка, в моём модном салоне одно кресло, и то до ноября арендное. Хозяйка сама сидит через стенку в детском магазине. Скажешь при ней «скотина» — объясняйся потом, что ты про рыбу.

— Когда соберёшься на себя покупать, с меня коврик, — сказала мать. — Постелешь у порога. Чтобы снаружи собак не пускали.

— Я собак как раз стричь согласна. Нормальная собака твёрдо знает, зачем она ко мне пришла. Один клиент в прошлую субботу взял за бороду и сказал «сделайте мне свободно, как раньше». Я и сейчас время от времени проверяю фотографии, угадала ли правильно год.

Инга шуршала картонным автобусом в кармане. Вместе с ними за столом сидел Дормидонт Данилович Вайн — мамин шахматный партнёр с другого конца квартала. Одной Раисе Павловне дозволялось звать его Дориком. На лавочке у подъезда считали, что их невинной дружбе недавно исполнилось десять лет. Дату Инга могла подтвердить. О характере отношений ей сообщали ровно столько же, сколько всем остальным. Вайн молчал, мама жарила яичницу на четверых, ему оставляла желток жидким.

— Всё. Больше под полкой пустых пространств нет, — доложила Злата. — Три упаковки вишни. В двух вишня, в третьей вместе с вишней лук-порей. Кто-то, наверно, дико хотел всё это съесть одновременно и заснул от большого труда.

— Это я убирал, — сказал Вайн. — Хотел занять половину ячейки. Осталась половина, положил в неё лук. Никакого умысла. Теперь прошу всех ко мне на настоятельный разговор о шашках с детьми седьмого подъезда. Бабушка, ты на них опять обиделась?

— Они в шахматах моего коня съели пешкой, — сказала мать. — Можно было взять слоном. Слона я отдала бы и так. Пешка вышла ко мне в тыл из-за круглой бутылочки с лекарством. Кто же воюет с бабушками из-за их собственной настойки?

— Самые способные. Выигрывают в трудных бытовых условиях. Умеют обнаружить противника над рюмкой. Ты им на руку пожаловалась?

Инга поставила на стол картонный «Клубный автобус».

— Мам, тебя случайно в девяносто шестом году не называли Поворот Олегович? Письмо нам с семью печатями и двумя колёсами. Одна печать воспроизводит толстого карпа. Остальные декоративные.

Раиса Павловна взяла картонку за угол и отодвинула, чтобы рассмотреть без очков. Надеть очки, по её собственному мнению, требовалось для двух вещей: заплатить по квитанции именно за свою квартиру и никогда не выйти замуж за Дорика из-за мысли, что написана в бумаге другая фамилия.

— Да. Я готовила им жареные биточки. На каждую дорогу по два кольца белого лука. Тот высокий певец Терехов умел с ними фокус, два горящих кольца в минуту съедал. Он теперь чинит зонтики, твоим циркачам удобно будет, если дождь пройдёт.

— Сходить к нему? У меня зонт разошёлся у одного спайного края. Здесь мать смотрит на моего мастера, а могла бы своим детям бесплатный шов организовать под музыкальное сопровождение, — сказала Злата.

Инга уголком глаза отметила, что к одной руке у матери прилипло холодное мокрое пятно от небрежно вынутого пакета. Та вытерла пальцы и ещё раз взяла письмо. Крошечный нелепый автобус напомнил ей не весёлые гастроли, не автобус с пятью ведёрками из-под кваса в горячем зажатом салоне, а давнюю тёплую голову своей дочери у неё на плече перед выходом на «Летней пристани». Девятнадцать лет, короткие тогда ещё светлые вихры, толстые губы, нарисованные тёмно-вишнёвой помадой. Стояла Инга как можно прямо, врезав каблук перед правым каблуком, под её щекой глубоко и ровно дёргалось что-то живое.

— Чего читаешь мне? — спросила Инга. — Если я сама не захочу, письмо можно просто переслать клубу с хорошей памятью?

— Я его читаю про себя. И хочешь изуми тебя, хочешь нет: сама бы я поехала.

— Ты в хоре не пела.

— Была бы у меня на кухне возможность уйти в четверг, пела бы. Я выходила из дома в шесть и приходила после восьми. Ты в двенадцать ночи потребовала, чтобы я оценила твою новую шляпку с распускающимися полями. Смотришь на эту шляпку тридцать лет потом и думаешь: разве я когда-нибудь отказалась бы от возможности три часа поорать в своё удовольствие?

Злата включила на плите маленькую конфорку. Снимала с готового кофе корочку и умудрялась всем своим совершенно современным видом убедить мир, что никакие поздние годы не миновали только потому, что взрослым стало немножко труднее доставать кончиком пальца до потолка.

— А кто вообще у вас был настоящий артист? Учитель оперный, приглашали кого-нибудь для руководства? Если никто не умеет начинать, то ничего и не будет. Я вчера двоих космонавтов стригла под запись. У них сочетание в расписании «официальная тренировочная группа». Оказалось, просто завод делает им очень высокие лампы, а сами они ни разу никуда выше Сочи не летали.

— Все вы были настоящие, — сказала Раиса Павловна. — Даже Ким с аккордеоном в рваном чехле. Бросил училище на третьем курсе, а у нас троих сварщиков научил так петь, что в раздевалке банка с подоконника слетела. У вас ведь по средам одни занимались, по четвергам другие?

— В среду Аза ноты раздавала, — сказала Инга. — Они сидели прямые, шевелили губами, а мы от стыда за свои животы втягивали животы. В четверг можно было прийти без нот, лишь бы стул оставался. Тогда кто-то и дописал на объявлении фломастером. Оно у паспортного стола висело.

— Ноты и есть отговорки. Я, кстати, одну штуку хочу сделать. Мясорубку свою дашь?

Злата вскинула брови: в семейном обиходе фраза «мясорубку дашь?» означала либо скорые пирожки, либо нечаянное преступление против шёлкового платья, стряпать в котором никто хозяюшку не заставлял. Раиса Павловна повернула большую винтовую мясорубку на край стола и достала из её середины чистую обратно запечатанную плоскую жестянку.

— Там, вероятно, кто-нибудь пенсионерскую пенсию копит, — сказала Злата.

— Там Дориковы жемчуга. Он их один раз чуть в пирог не сунул, вместе с изюмом. Дорик, достань сам, у меня руки в рыбе.

Жемчугами оказались юбилейные запонки из перламутра. Дорик убрал их в карман. На дне коробки лежали чужой рецепт и старая фотография на фоне бревенчатой эстрады. Справа под винтом на стене висела та самая поварская лопатка: дежурный слесарь сделал её из листа стали, остальные нацарапали шилом свои прозвища. Вайн в ту пору жил в другом городе, с другой женщиной и Инги ещё не знал. Повернул снимок к свету.

— Никто здесь тебя, Рая, не видит. А я хорошо встречаюсь с человеком, которого никто не видит только оттого, что он пятьдесят лет держит половник и раздаёт другим еду. Сходишь на репетицию. Дочь тебя отвезёт, внучка сделает волосы. Будет кому народом пригрозить, если тебя оттуда решат выставить вперёд благодаря возрасту.

— Я не собиралась туда родней проноситься, — сказала мать. — Может, мне и нужно будет, чтобы кто-то сказал, где у меня верх, а где надо на пол сесть, когда начинают такой торжественный припев. Но я женщина самостоятельная. Наш первый музыкальный организатор сможет меня про это спросить лично. Нас уже трое, если не брать в расчёт чужого хориста.

— Кто трое?

— Я. Ты. Он, ваш Филя. Филя перед каждым концертом ел ровно шесть котлет и жаловался целый день, что кишечник не даёт взять ля-бемоль. Не смеши. Если бы он не хотел, оставил бы конверт у Милы. А так сунул себе за пазуху интерес на целые шесть недель и теперь будет ждать тебя на лестнице, если общий телефон отключишь.

Инга вышла на лоджию, где мать растила худые деревца, привязанные к креплениям старой стиральной машины. Набрала номер из конверта. От афиши «народного хора» ей достались два голубых штришка на пальце, автобус с бумажной рыбой и возмутительное возбуждение, какое чувствовала прежде в субботу перед настоящим праздником: ещё никто тебя не просил ни мыть окна, ни накрывать на стол, а ты уже сама решила, в новом платье или в старом встречать своего любимого. Любимый потом позвонил и сказал, что вообще-то соседка тут рядом и к ней пойдёт, а не успевшие состояться три минуты ты тогда испытала целиком, и ни один расписной проходимец не в состоянии их у тебя отнять.

— Алло, — сказала женщина в телефоне. — Вы по новой бархатной кулисе? Два метра резать нельзя. Ради бога, вдруг мы пригласим наконец к себе хор из одних волейболисток, да ещё в форменных кокошниках.

— Я из Липова Моста. У нас тут ни одной собственной волейболистки ещё не обнаружилось. Это насчёт старого хора «Поворот». Хочу уточнить, что значит: «если даже вас двое». Как вы себе представляете эту большую поездку, если в заводских воротах тридцать лет не было репетиций?

— Прямо сказать — не знаю, — ответила женщина уже другим голосом. — Меня Жанна зовут. Я паперть с гармошкой слева на вашей афише хорошо помню, а как у вас люди доезжают на работу, что умеют петь, хотят ли к другим, — пока нет. Вы можете и «нет» сказать. Позвали, поскольку старый штамп нашли у себя в альбоме, и номер, который опросили, ещё действующий. Мы на ваш старый состав не билеты продаём. Планируем три дня ездить людям в гости по соседним городам. Одна большая вещь или две коротких всем запомнятся. И от каждой второй группы хотим ещё одного вечера обратно: из Осиновки к вам до тура мог бы приехать небольшой камерный ансамбль.

— Нам что, шесть-семь человек посторонних у себя принять?

— Сколько приедет, проговорим. В гостевых комнатах клуба, у себя дома, если готовы. Дорогу гостям обеспечили, за голодных детей у нас родители обычно не отвечают. Без бедствия. На выступление можно выходить нынешним составом, хоть вчера целиком собрались. Без фонограммы. Есть у вас кроме ваших двоих охотники посидеть послушать?

Инга на лоджии обернулась. Запертой она дверь всегда считала до того момента, когда мама плотно приложит к старой единственной щели здоровое ухо и успеет ещё раньше любого другого гражданина угадать, что в доме хотят изменить.

— Узнаю, — сказала она. — А если потом никто не сможет?

— Значит, просто пожелаем друг другу хорошего четверга. От вас никто заранее ни одного подписанного восторга не ждёт. В следующий понедельник мне надо окончательно дорожные места подтвердить. Позвоните к выходным. Как к вам обращаться?

— Инга. Та, которая на «Летней пристани» вместо слова «фонари» два раза при честном народе пропела «фараон».

С той стороны послышался короткий счастливый хрюк. Женщина, которая умеет принимать расстроенное детство подобным тёплым звуком из собственного горла, вовсе не похожа была на типичную устроительницу трудных народных чужих праздников.

— Ну теперь без вас не обойдётся, — сказала Жанна. — Папа ваш «фараон» потом дома распевал. Через тридцать лет наконец узнала, кому спасибо говорить.

Инга вернулась на кухню. Злата вертела в руках чёрный зонт с торчащей на восток и вверх спицей. На другой руке у неё висел крошечный звонкий колокольчик — украшение для щиколотки будущей клиентки. Раиса Павловна достала из архивов тёплую круглую заколку, не то лиловое перо от старинного капора. Дорик сделал за спиной у остальных ход конём из коробки с замёрзшей вишней в ячейку с весенним срезанным укропом. Завтрашний поход в мастерскую Терехова решили считать первой семейной разведкой. Хор у них пока не возник, но один обед на всех нашёлся.

Глава 3. Мужской размер ноль

Мастерская «Зонт и бант» помещалась в остановочном павильоне. Под верстаком сох рыбацкий сапог, на стуле лежал школьный ранец с запиской «молнию, пожалуйста, тугую, он суёт туда кота». В витрине висели два полураскрытых мужских зонта, похожие на летучих мышей. В углу спал одноглазый Эрик. Лохматый собачий хвост закрывал весь проход между дверью и верстаком.

— Вы вывеску у меня нашли или ошибку в вывеске? — спросил Игорь из-за коробок у окна, ещё не поднимая головы. — Если ошибку, вставайте в очередь.

Он имел в виду посетителя, который вышел за три минуты до Инги. Человек полчаса доказывал, что на вывеске должно стоять «Терехов», раз уж мастер по паспорту Терехов. Всё в городе, по его мнению, требовало перемены за счёт мастера по зонтам. В залог обещания вернуться он оставил мокрую кепку.

— Игорь, — сказала Инга. — У меня настоящий женский зонтик. Выходил на улицу с мужской обувью один раз и теперь приобрёл самостоятельные взгляды на жизнь.

Игорь высунулся. Под глазами у него прибавилось весёлых морщин, настоящая большая нижняя губа всё ещё прикрывала на одну треть белый зуб с чуть отбитым уголком. Волосы на голове были серебристые. Такого вот она не ожидала. У всех них было время поседеть, растолстеть, вырасти и перестать перед каждым творогом беспокоиться о своей фигуре. Но увидела Игореву седину — и хочется затормозить, выставить руки и хорошенько посмотреть. Человек же ещё позавчера выходил на сцену с юным подбородком, до половины залитым бурой канифолью, потому что спорил с Филей насчёт прочности заводской декорации и собственной шеей угодил в декорацию.

— Ты кто? — спросил он.

— Вот это, по правде сказать, обидно, — сказала она.

— Ты по какому отделу? Фотокорреспондент или парикмахер? Знаю, что у тебя милая дочка брюнетка. Ты бы мне спокойно сказала «Инга». Не потому что кажется, будто не узнал, а затем, что очень хочется послушать, как ты говоришь «Инга» своим чудесным старым басом.

Он вылез из-за груды, разгладил ладонью поясницу. Эрик с рвением трёх здоровых собак отодвинулся в сторону, уступая хозяину самое подходящее место на полу возле ещё не обсохшего пятна от маленькой лужи. Игорь сунул в лужу ботинок неспеша, чтобы её не разбрызгать, и впустил их обеих к себе в рабочий закуток за прилавком.

— Злата, дочь её, — сказала Злата. — Про фотографа вы маму слишком обидно спросили. Фотографы у них на заводе десять месяцев в году ходят с одной алюминиевой радиостанцией из кухни, чтобы можно было людей в цехе фотографировать при прямом профессиональном инструменте. Если при прямом молотке — шлепнут по пальцу, а с прибором можно попробовать и ничего не сломать.

— Ты как раз вовремя. Смотри, что с зонтом, — сказал Игорь. — Дело в том, что опять в кафе перепутали две разных застёжки. У этого мест в полтора раза больше, чем ему положено. Кто отдал?

— Я купила на ярмарке. Я думала, если у цены стоит «муж. размер 0», это означает, что в моём конкретном зонте мужика ещё не было.

— Это означает, что у них китайский барабан обороты считает по целым изделиям, а выдали по ошибке один женский, один детский и одну спицу мужского размера. Сделаю. Можешь оставить на вечер, можешь сесть вон в тёплое кресло и ждать, когда дойдут руки. Через заднее окно видно много прекрасных чужих ног от колена и до подошвы. А ты по какому поводу, раз у неё свой зонтик?

Инга положила к нему на верстак автобус. Игорь даже не спросил, можно ли покрутить колёса. Они все вечно распоряжаются крошечными вещами безо всякого уважения, думала Инга, пока не увидят серьёзную вещь, в которой без шутки не перейти из одной комнаты в другую. Читал Игорь быстро. Пока дочитал, лицо у него не стало ни нежным, ни юношески взволнованным. Это больше всего ей понравилось: просто взрослый человек на минуту задумался о другом своём возрасте.

— Вы же нас теперь знаете больше, чем было, — сказал он наконец. — Кроме того, что это выглядело в девяносто шестом классно из-под другой гармошки. Там от калитки до ограждения было, наверное, полгорода, каждое соседское предприятие устроило своё мелкое смешное хозяйство. Кто-то с верёвкой на поясе лез на фонарный столб за живым петухом в корзинке, кто-то варил рис в ведре и пытался угадать у эстрады, сколько в него умещалось чашек. Если человек сейчас приглашает нас, чтобы так ещё раз стал выглядеть город, мы ему не поможем.

— Она помнит огурцы. И мой несчастный «фараон». Просит одну старую песню, другой, говорит, успеете научиться. Ты бы сам хотел? Если можно без зелёного кашне.

— Пальто в каком-то смысле пока не снимаю. Наверно, мне сперва надо у своих прежних громких коров спросить, хотят ли, — сказал Игорь. — У Терехова график: вторник и четверг вечером он ходит учиться танцевать. Среда и пятница — починка чужих зонтов. Если четверг это буквально четверг, разок могу пропустить урок. Когда-нибудь потом придётся решить, что я из этого теперь в один день недели делаю.

Инга заметила сбоку у зеркала небольшую фотографию. За большим жёлтым велосипедом смутно угадывалось знакомое Лялино лицо с двумя короткими красными кудряшками на висках. Про её смерть Инга слышала четыре года назад, думала даже зайти к Игорю, хотя на тот момент не виделись они лет пять, и всякий раз представляла, что ему сейчас не до их подросткового знакомства и чужих неприятных объятий. Если всю жизнь представлять себе, чего в данный день не хватает другому, чтобы увидеть твою тяжёлую голову на пороге, так можно и самой всю жизнь простудиться с обратной стороны его двери.

— Мне Филя дал адреса, — сказала она. — Аза здесь на Промышленной. К Копытову в пекарню надо к концу ночной смены, он разговаривает только после.

— Валера с прошлого месяца в другой ночной. К девяти с двадцатью заходите в булочную на рынке, он выносит последнюю сдобу и выдаёт всем брак с разошедшимся краем, который я беру иногда по дороге. А Аза звонку радуется раз в неделю, и тот должен быть от неё самой. Заходите в половину десятого с прямым счётом за глажку, будет очень любезна. Пою ли я всё ещё вторым тенором? Не знаю. Если сама будешь на первой, и я приду.

— Почему если я?

— Не хочу туда один лезть, где придётся одновременно узнавать знакомые лица и помнить названия песен. Или просто соскучился. Выбери, сколько нужно для протокола.

В булочной на рынке пахло свежим тминным хлебом. Пекарь с высунутой из белого колпака лысой макушкой стоял около фиолетовой двери и вручал рыжему шпицу булочку. Шпиц был толстоват для посетителя, который рассчитывает только на брак с разошедшимся краем, но доволен. Пока Инга искала глазами разрешающее присутствие хозяина, он положил булочку на пол, поставил на неё лапу и посмотрел в лицо пекарю. Этот немой диалог прервал голос изнутри:

— Джем раньше денег!

Шпиц послушно отнёс свою булочку к выходу. Валера Копытов вытер о фартук руки. В голосе у него ничего не изменилось — он произнёс простое «ты погляди» откуда-то из подвала, на полтора метра ниже собственного живота. Злата хихикнула. Взрослый мужчина, печник, от которого ещё очень тепло, обнял Ингу и привычно попробовал стереть своей ладонью мучной

оттиск, оставив заодно ещё полтора у неё на чёрном плече. В молодости он над такими штуками горько задумывался и несколько раз в месяц предлагал всем женщинам деньги на химчистку.

— Я по средам не могу, — сказал он, едва прочитал четыре строчки фиолетовой надписи. — У меня Санька мелких своих приводит только по средам. Просьба у него такая: пап, ты всю жизнь днём спал. Я за шесть лет три раза в театре был, один раз в первый ряд попал, а жена ни разу. Я согласился. В среду у меня детская опера, герой молча сидит в манеже, героиня в саду за шкафом достаёт мою заначку. В опере злодей в собственном доме прячет заначку туда, где помнит, как её спрятать заново. Так только у взрослых людей бывает. В четверг у меня после девяти окно до трёх, потом опять спать. Если меня посадить где-нибудь у маленького выхода и разбудить в половине восьмого или раньше, могу тоже что-то спеть. У вас же всё-таки когда?

— В семь. Первый раз в четверг в семь, в старом паспортном столе. Мама поёт, Филя откроет. Что будет потом, мы не придумали.

— Два таких брака на трёх считайте себе как два с половиной завтрака, — сказал Копытов. — Один внукам, другой этой рыженькой девушке. Вы с такой хорошей шевелюрой можете ходить города рекламировать от своего имени. Моя Инга в ваши годы была совершенно бульдозер. Говорили, есть в клубе проблема с маэстро Кимом, потому что не всем хватит сигарет вечером, так она в моём фартуке прошла к нему на табачную полку в форме пекаря, а под фартуком чулки белые в красную точку. Вынесла трубку его отца и двадцать конфет. Хороша была.

— Заметьте, он помнит, какие чулки на моей матери, — сказала Злата. — А она мне говорит, что тогда мужчины уважали женщин в первую очередь за производственные показатели и хорошую сберегательную книжку.

Инга вспомнила, что фартук она брала для совсем другой цели. В старом помещении застоялась вода под лотком, и им нужно было что-нибудь, во что вытирать руки. Конфеты были её собственные. Ким отец никогда не курил, трубку вчерашнюю украла с подоконника клубная любительница повеселиться лабрадориха Лушка. За тридцать лет на одной булке в Мосту, получается, можно было бы заработать десять разных воспоминаний, написать их на бумажках, вложить в каждый горячий ещё клубочек теста и продавать в собственной своей лавке предсказаний о прошлом. От прежних лет большинству оставалась совсем не та самая прежняя жизнь, что была у них в момент, когда они ели и вытирали руки о боковую ткань, а именно наиболее вкусное из воспоминаний.

В прачечной «Крапинка» у Азы Карповны красовался деревянный козёл с мягкими подушками на рогах. У одной из подушек от старости торчала наружу седоватая набивка. Этот приёмный предмет на самом деле никогда не соприкасался с козами. Пришелец должен отряхнуть на его спине вычищенное одеяло и сложить в три раза сторону к стороне, не забирая случайно соседнее одеяло. Аза Карповна, что хорошо помнила Инга, любую вещь, которая к ней самой пришла в тихую сложенную жизнь не по её воле, встречала словами «могу через две недели, если точно нужен мой размер».

— Через две недели, — сказала она. — И скорее всего не на первую половину, а к судному малому четвергу после покраски во всех углах. Здравствуйте, девушки. Вижу, вы не полощете руки по дороге, как в мои годы полагалось.

Волосы у неё были каштановые, тонкая линия под глазами совпадала с краем воротника. Из всех, кого они повстречали с этой открыткой, она единственная жила так, будто сию минуту должна выйти перед светом и дать три крепких правильных ноты. Когда прочла автобус, перевернула и вместо фиолетовой фразы Жанны заметила на обратной стороне плоского колеса давнюю, всем известную подпись Дормидонта Вайна. Разглядела, что там вовсе не Вайн, а пародия на английское «шины спонсора». Засмеялась, хотя смущённого этого чувства никогда не показывала.

— Ой, вы мне подарили целую пятницу, — сказала она. — Если я в четверг с вечера у вас поору под собственный прожитый возраст, порадуются соседи в пятницу, когда я буду им

разные благости говорить низким усталым голосом. На клубный ключ у Фили есть ещё вторая аккордеонная комната, он про неё забывает каждый шесть лет; вот вам ключ, но только когда он будет на месте, открывайте. А про Кима Борисовича давайте, дорогие, совершенно честно: мне не надо, чтоб он вышел возле нашей общей стены и стал мне ставить правильное имя в середине четвёртой строчки. Я теперь с его бывшей, то есть с собой, в хороших отношениях. Пусть и он в своих новых со мной прилично поздоровается. Пока вы его не тревожьте. Он на другой неделе обещал в консерваторию, куда-то с племянником. Я в четверг загляну.

На остановке Злата пересчитала три бутерброда от Валеры и передала матери самый толстый. Инга села на лавочку. Звонить Миле и отчитываться не хотелось. Какой пока хор? Зато вечером можно было забрать зонт и ещё раз увидеть человека, который без всяких церемоний сказал, что по ней соскучился.

— Мам, — сказала Злата, — а ты скажешь мне когда-нибудь, почему впервые за все двадцать четыре года моей жизни я вижу, как ты совершенно всерьёз держишь два старых ключа и не знаешь, какую дверь открыть первым?

— Потому, что у меня в самом деле две, — сказала Инга. — Пойдём пока домой.

Глава 4. Опытная партия

За полчаса до репетиции на лестнице появилась женщина с креслом за спиной. Пятно на обивке напоминало голубя. К ножкам пакетом была привязана сумка, и всё это хозяйство застряло в дверях. Подоспели двое с завода, отцепили сумку, развернули кресло боком и, довольные своей работой, внесли его в ближайший кабинет. За столиком перед раковиной сидела совершенно изумлённая маникюрша.

— А почему сюда? — спросила маникюрша.

— Тут написано «среда». У вас в среду вообще много лишних кресел или людям на вынос отдаёте? Филя Иванович сказал, приди в четверг, своего места не будет — бери из дома. Я так и сделала, — объяснила обладательница кресла.

— У меня аппаратная среда. Технология, новейший лак на ногтевую пластинку для чувствительных. Приходят и в четверг. Музыканты обычно сидят через стенку и кричат слово «три», чтобы высоко летело. Я вам за дорогу четыре ногтя покрою настоящим перламутром. Большие пальцы крашу отдельно.

— У человека всего четыре ногтя? — спросил Влад.

— Держи своё мнение при себе. Она на кресле будет держаться четырьмя, остальные не задействованы. Забирай ваше счастье.

Кресло встало перед дверью бывшего паспортного стола, в том углу, где много лет проступал на обоях тёмный круг от часов с гирями. У ноги сидящей там женщины болтался чехольчик от складного зеркала, как привыкли носить на шнурке у себя за дальним краем фартука прежние часовщики. Её звали Лика Соболь. Она работала преподавательницей труда в бывшей четырнадцатой школе, которая теперь стала шестой гимназией, и хотела раз в жизни попробовать сидеть среди совершенно посторонних людей в своём любимом маленьком кресле, а не следить за пожарной безопасностью Дня первоклассника. Об этом ей первым делом следовало написать заявление, а вместо него она взяла такси и приехала вот так. Через десять минут ей удалось познакомиться с четырьмя новыми голосами. Потом у неё за соседним столом обнаружились братья Пороховы, Дима и Коля, племянники прошлого клубного водителя. Один учился крутить на палочке маленький красный колпак, другой рассказал, что ездил в областной город получать права, зашёл не в тот кабинет, а вышел со справкой «правая нога заметно длиннее левой», о чём раньше никогда не догадывался.

— Мы тут все пока без проверенных габаритов. Для музыкального человека какая нога нужная? — спросил Дима.

— Стоя длинная, сидя короткая, — сказал Валера Копытов из-за спины Инги. — Мне так сегодня бы найти, где положить правую, чтобы не срезала пополам середину вашего праздника. Я-то сегодня после ночной, предупрежу.

Он пришёл в клетчатой рубашке, застёгнутой не на те пуговицы. За ним — Ингина мама в жёлтом платье, которое носила только на шахматные вечера. Бывший наладчик Генка Сироткин, прозванный Паштетом, теперь подшивал форменные брюки в депо. На вопрос о профессии отвечал: «Тоже бывший». Свистел в три октавы, как уверял, и ещё полтона вниз. Потом зашли водопроводчица Вероника, незнакомый мужчина в вязаном галстуке и молчаливая Марья Ляхова. Влад принёс коробку усилителей. Тесно стало уже у входа: из-за кресла Лики приходилось пробираться к стульям по одному.

Филя объявил себя распорядителем и перекинул через плечо широкую ленту от вчерашней свадьбы. Аза Карповна сразу попросила её снять.

— Дорогой, у тебя на груди написано «прости меня, родная». К кому ты сегодня обращаешься, если это можно публично обсуждать?

— Год полежало в пропущенных находках и сдано в казну, — ответил Филя. — Можно сделать «спаси меня, родная». Примерно так я и чувствую.

Инга отыскала место за будущими альтами. Взяла за спинку большой офисный стул, когда её опередил появившийся в дверях Игорь. Мужчина остался в матросской лёгкой куртке с застёгнутым горлом. Светло-серая прядь у правого виска уже не била Ингу по глазам: до чего слабеют люди только от мысли, что кто-то им действительно может понравиться. На четыре секунды всё вокруг шевелится медленнее, а после всё ещё надо решать те же дела, не потеряв своего лица при посторонних.

— Не ставь за всеми, — сказал он, отнимая у неё офисный стул весьма умелой одной рукой. — Ты пришла учиться или слушать, как учатся другие? В прежнее время дрожала вместе с мелкими, а в середине своего такта у тебя от этого получалось выдавать так, что старый Ким оглядывался на двери.

— Я пришла собрать драгоценных зверей и поблагодарить письмом, если вдруг из них ничего не выйдет. Ладно. Я сяду в середине, чтобы на спину никто не жаловался.

— В середине только если тебе удобно. Мне удобно с тобой рядом.

Он устроился слева. У кого-то из присутствующих тихо и очень привычно зазвенел браслет на запястье. Аза открыла свою бархатную папку и вынула оттуда три тонких серых листа. Сверху была написана от руки «Поворотная», снизу всё, что знала в этом месте Инга кроме песни: где проходит второго ряда узкая дорожная яма для затянувшего гласный глупого хориста, где надо потянуться за водой и кто на кого имеет право повернуться, если в голос вступает ещё один.

— Пока дадим сами себе понять, кто какой звук предпочитает, — сказала Аза. — Никакого сольного позора с самого начала, а то вы наскочите на меня теми карточками, которые у нас ещё до общего цехового ремонта числились моими плохими начальственными деяниями. Все вместе скажем «пришла накладная». Представьте, что в ней десять тысяч прекрасных резиновых деталей, без которых вчера не работали три цеха. Кому как радоваться хочется, столько пусть и выдаёт.

— Пришла накладная, — тихо и страдальчески произнесла Лика Соболь.

— Судите по одному своему голосу, вы в накладной заметили подлог не меньше сорок раз, — сказала Аза. — Представьте, что в ней записан отпуск в сентябре на две недели с отдельной комнатой и одной широкой красивой шторой.

— Пришла-а! — сказала Лика и залилась краской до ушей. У голоса её на дыхании оказался нежный доверчивый краешек. Наверное, детей она просила убрать острые предметы в ящик именно так, как некоторые женщины зовут кормиться синиц у окна. Филю сдвинули на её место, чтобы он слушал и учился.

Вторым был Паштет. Большой басом, в остальном совершенно маленький и округлый человек начал строго по написанному «Приш-ла», а закончил отчаянным криком «главна-я-я», так что на стене у соседней маникюрши сами собой вплотную притянулись двое, видимо, довольных происходящим клиентов.

Пороховы, как и полагается настоящим братьям, по очереди мешали друг другу закончить. Зато как только попросили спеть по отдельности, Дима посинел, Коля углубился в чтение плаката «Просьба заявление заполнять одной ручкой, без единого светлого промежутка между строк». Вдвоём они поднимались по одной придуманной ими же лесенке и потом чудесно падали в конце на правильную ноту, удержав промежуток в три ступеньки. Аза убрала листы и попробовала с ними быстрый припев без слов. Получилось легкомысленно и действительно музыкально. Сейчас она сначала запоёт сама, потом приготовит для них следующий такт и устроит так, чтобы чужой человек попробовал не только смеяться, но и уверенно поймать свой вход в общее дело.

Как раз в этот самый миг мама подняла руку.

— Аза, поверни, пожалуйста, стул лицом к окну, — сказала она. — У тебя губы двигаются в тени. Я оттуда не вижу первую букву. Слуховой у меня сидит с левой, а когда они смеются, выслушивать «и» между двумя зелёными поленьями у меня не получается.

Аза быстро осмотрела зал, сама прекрасно понимала, куда сесть. Сдвинула два табурета, вывела плечом целую половину своих альтов к зеркалу, села теперь лицом к источнику оконного света.

— Рэ, — сказала один раз. — Никакой буквы вначале, просто смотришь и вступаешь вместе со мной.

Раиса Павловна вступила неожиданно раньше Фили. Влад, который сидел за Валерой, пытался накрыть себя наушниками как скатертью. По краю гарнитуры было видно: очень хочет посмеяться, да не готов признаться, какие именно издаёт он звуки, когда никто их не может спрятать в колонку. Мама подняла руку собственным поварским движением и хлопнула у бедра. По этому хлопку братья попали в такт. Вторая часть вышла без преждевременного смеха. Когда хористы от неожиданности перестали петь, пальцы у Раисы истратили ещё два лишних хлопка и кончили вслед за ними.

— А вот тебе, мамаш, можно давать начало, — с некоторой ревностью признал Филя.

— Пятьдесят восемь супов поставь подряд, — сказала она спокойно. — Потом будешь знать, когда у тебя кончается пар, а когда законченная тишина. Не стучи ты в этот второй раз ногой. Я тебя знаю, ты благородного современного эстрадного барабанщика из себя в несложном случае задурно строишь.

Мужчина в вязаном галстуке, которого звали Игнат Николаевич и который охотно в пасмурную пору пел по похоронным обрядам, встал и сказал, что ему здесь, по первому впечатлению, совсем не хочется исполнять первую или вторую мужскую партии. Он пришёл, чтобы испытать редкое желание в своей жизни никого не хоронить. Если хватит мест, может пока сидеть и изредка малодушно напевать то, что у него будет в голове. Азе это понравилось.

Первый заход в «Поворотную» пошёл плохо. Здесь полагалось петь две короткие простые строчки:

На дороге фонари,

Ты мне место придержи.

Дальше хор сдвигался на два шага вправо и звучал ответ, по причине вечного неудобства влево уходивший на терцию вниз. Кто-то из прежних, кажется Филя, придумал его таким, что вместо ясного «будет место — заходи» весь зал половину текста слышал «пейте тесто до зари». Когда дошли до второй строчки, ни один человек не то что не попал в её первый звук, а никто не вздохнул вовремя. Аза долго смотрела на них. Валера почти уснул. Филя угощал кого-то бутербродами. Влада попросили оставить только один короткий свой кусок «придержи». Крайние два новичка пятикратно поспешили пригнуться под зонтик, который снизу торчал около их кресла, и всё равно, когда вступили, кто-то влез сверху.

С третьего раза начали все вместе. Было смешно, но настоящая смешная расстановка мелодии обнаружилась неожиданно точно в те два мгновения, когда Лика Соболь вдруг дала тёплую ясную ноту выше всех. Валера открыл глаза. Сказал из своей глубокой внутренней пекарни, не шевеля головой:

— И соль сбоку.

Марья Ляхова услышала музыку лучше слов и на ту же ноту подхватила «и соль с боку». Все рассмеялись и испортили таким образом единственное хорошее место за двадцать минут.

В образовавшейся паузе из-за двери выехало что-то длинное, красно-коричневое, очень похожее на довольную толстую собаку с двадцатью тремя кнопочными рядами на спине. За ним, боком, вежливо уступая дорогу маникюрше с розовым чайником, вошёл Ким Борисович Рябых.

Аза прикрыла рот двумя аккуратными пальцами.

— Я же просила, — сказала она Инге так тихо, что та плотно сомкнула зубы.

— Я не звала.

— А меня ни одна и не звала. У меня объявление на доме, — сказал старик. — «Приходите в четверг, даже если у вас лично слуха нет». Надо ещё оглянуть, кто позволил вывесить. Сказано по такому кругу, при котором я могу прийти и не называя себя великим звероводом. У меня один ремешок от аккордеона починке не подлежит, но то обстоятельство, что гражданка Браун по обязанностям арифметической формы у дверей сидит, ей зачтётся. Здравствуй, Аза. Где мне место?

— Вы что думаете, я храню для вас особое место в каждой комнате? — сказала она неожиданно громко. — Хотите так, как было — у меня в прихожей до сих пор один мужской тапок, зеленоватый с левого края. Мы с вами, Ким Борисович, в этой комнате начнём с того, что вы сядете себе на свободный стул и вам будет в течение часа совершенно безразлично моё покрытие.

— Да я так и собирался. Кто-нибудь мне, пожалуйста, скажет, у кого здесь самый страшный бас?

Валера поднял руку. Ким подсел сбоку, раскрыл гармошку только наполовину и дёрнул в такт валериной прошлой ноте небольшой трезвучный аккорд. Новички захлопали. Инга открыла рот, чтобы сказать «стоп», потому что таких прекрасных рук у аккордеона она давно не видела и боялась, как бы они тотчас не схватили всё в свои восемьдесят умеющих движений. Но Ким сложил инструмент обратно и запел. Рядом с Валерой, в одном ряду с Паштетом. На четверть тона выше положенного, на целый рабочий день громче сегодняшнего обещания и совершенно серьёзно произнёс «и соль сбоку», когда от него это потребовалось.

Инга попробовала в четвёртый раз начать вместе с остальными. Слово «фонари» произнесла правильно. Впервые остановились все разом. Никто не стал шутить. Неплохое вышло окончание.

Глава 5. Концерт для холодильника

Кухней в парикмахерской Златы считался закуток с холодильником. Холодил он скверно, зато пел. Стоило клиенту попросить «только кончики», как оттуда доносилось низкое протяжное «ми» до самого конца стрижки. Злата собиралась его сменить, когда после аренды у неё начнут оставаться деньги. Помещение принадлежало владельцам соседнего детского магазина. На рекламе их сын по-прежнему сидел младенцем в бантовом конверте, хотя по субботам мальчик приезжал к родителям с карате и не всегда помещался рядом с отцом на переднем сиденье.

Вот именно к нему домой за холодильником пару лет назад ездили Злата, её тогдашний жених Ростик и Ростикова воспитанная знакомая Маша. Маша разобралась с задними проводами, Ростик долго рассказывал про собственное предприятие, которого у него пока не было, и наконец заинтересовал Машу настолько, что после той поездки Злата обзавелась холодильником, лишилась жениха и получила право на протяжении долгих лет ругать только создателей несчастного агрегата, а не пару вполне устраивавших друг друга людей. Так в семье появился обычай говорить о Ростике, что он «ушёл со льдом». Сам он работал контролёром на железной дороге и никогда не был на Северном полюсе.

— Нам нужно всего тридцать секунд, — сказала Злата, вытирая клеёнку возле холодильника. — Филя твердит: фонограмму не пришлём. Её и не просят. Артель хозяев хочет знать, кого к себе в гости ждут. Представьтесь и спойте кусочек, вот и всё. И фотографию пусть Филя сделает в полный рост, а не один свой правый ус, как обычно.

— До меня разборчиво в первом чтении дошло только слово «артель», — сказала Инга. — Это твои хозяева кому-нибудь опять свои дела передают?

— Это у нас ярмарка на площади в новом крытом павильоне. За каждый торговый край придётся заплатить, только у швей и у тех, кто даёт попробовать постричь одну прядь, восемь метров оставляют по приглашению. В основном чтобы люди по площади ходили, пока доживают у чужих прилавков свои сорок минут ожидания. Я там хочу показать кресло, которое мне могут продать в рассрочку. Поставить за креслом один лист с адресом и подтвердить, что сама справляюсь с работой без чужого окрашенного младенца на стенке. Личных клиентов набрать. Первую шевелюру мне от тебя хотелось бы. Уже всё?

Инга улыбнулась своим длинным обычным волосам. До плеч они у неё отросли в начале лета. Пришлось начать завязывать за ухом второй оборот, в русскую жару собственная голова в какой-то момент становится самостоятельным печным оборудованием. У Златы была рука на её шевелюру правильная. Не тот правильный аккуратный круглый срез, который раньше всякий раз совершала ей Аза Карповна после концерта в кладовке для световых приборов, и от Инги потом носом пахло керосином два дня. Злата отказывалась подбирать её под определённую картинку и говорила, что у человека с вихром возле левой брови нельзя сделать принудительную жизнь смотрящей прямо на всех налево. А Инге это нравилось. Стала теперь впервые слышать, что дочь предлагает ей ещё что-то, кроме очередного хорошего дела после работы.

— Какого числа?

Злата назвала субботу, на которую приходился первый концерт. Инга ещё не привыкла считать её субботой своих гастролей. Ближайшие дела помнила отлично: записать «соль сбоку», отнести на работу график подмены, купить маме в аптеке крем. А эту дату успела пообещать уже дважды.

— Если поедем, буду в Кирпичном Логу. Может, они допустят меня в первой половине, или ты поставишь на девять попозднее? До него автобусом два часа, с грузом три.

— Один раз про меня можешь сказать не так, что лучше бы я тебе в другой день родилась? Два часа с грузом и в первой половине… Я пока сама не знаю, в каком углу буду стричь. У меня и без твоей головы вагон возможности провалиться. Я хотела, чтобы именно ты там первая

села, а если ты не можешь, скажи «Злат, не могу». Не прилаживай обещание к тому, что чужие разрешат передвинуть на два часа. Тебе повезло, ты тридцать лет крепишь и крепишь чужие обещания набок, чтобы людям удобнее было влезть под стол весового контроля. Здесь мой стол.

Холодильник замолчал. От этого внезапно стало ясно, как громко говорит Злата. В новом, совершенно готовом столкнуться лбом с крепким взрослым шкафом её голосе было кое-что от Ингиных девятнадцати. Раньше Инга такого высокомерия в чужих словах не потерпела бы ни за какие личные успехи. А сейчас у неё поверх этих слишком громких слов было слышно другой вопрос — ты хочешь сесть в моё первое собственное кресло? На этот простой вопрос не требовалось собирать гастрольную компанию и подменять один день другим.

— Да, — сказала она. — Хочу. Пока я не знаю, смогу или нет.

— Спасибо, — сказала Злата.

Игорь явился с починенным зонтом и настоящей коробкой-переноской, в которой кто-то двигал по всему кругу и время от времени протирал маленькое отверстие белым носом. Злата подвинулась, и они поставили коробку на стол у холодильника. Молчаливое белое животное хрюкнуло носом и окончательно успокоилось.

— Эрик? — спросила Инга.

— Что у меня, вся мастерская десять килограммов с хвостом в маленькую коробку влезла? Соседский кролик с моего стола прыгнул в открытую сумку. Хозяйка две минуты назад была на укладке в детском магазине. Закроет голову лаком, заберёт. Ты что на меня смотришь, как будто мы на первом свидании обещали говорить только про погоду и я уже с кролика начал?

— Не надо называть первый выезд моего холодильника первым свиданием, — сказала Злата. — Я его сама возила, знакомила с людьми, уже пыталась отучить отвечать всем на одну и ту же ноту. Придут ещё двое, снимаем десять секунд. Удерживать ритм будет он.

Двое оказались Владом Рябининым и Раисой Павловной. Влад шесть лет не стригся ни у кого, кроме брата своей матери. Увидел на крыльце цифру, которой производитель определял усилие пружины в большом поднимающемся подголовнике, и сильно захотел потрогать весь этот стройный агрегат. Злата дала посидеть в нём две минуты, только сначала попросила снять большие наушники. Влад прожил в них достаточно долго, возле второго уха волосы стали расти в одну сторону, а возле первого в другую, будто кому-то очень надо было догадаться, откуда дует в его тихую приютившуюся за булочной жизнь постоянный человеколюбивый ветер.

Раиса Павловна принесла в круглой жестянке вафельные трубочки. В детстве Инга узнавала, что вафля готова, из другой комнаты: тяжёлая старая вафельница переставала шипеть и начинала негромко потрескивать у ручки. Требовалось успеть на кухню до того, как мать выложит на тарелку и пересчитает каждую трубочку. Вот когда у Инги обнаружился завидный слух.

— Концерт-то начался? — спросила мама, увидев коробку.

— Покамест репетиция и один заяц, — сказал Игорь. — Обнаружил новую прелесть в наших прогулках. Человек с зайцем в руках и с правильно сложенным зонтом, который подходит к красивой девушке, обычно непременно вызывает у неё улыбку. Злата не улыбнулась, значит, она настоящая мастерица и лучше займётся работой прямо сейчас.

Влад придвинул одну тумбочку к другой и позвал в кадр Ингу с Игорем. Дать два такта до «фонарей», затем Инге сделать шаг вперед и сообщить, что из родного города уже собирается небольшой состав с хорошим опытом картофелечистки и собственной музыкальной картой дорог, если это вполне уместно для письма нынешним организаторам.

Они спели. Плохо. У Инги обнаружилась привычка смотреть на свой собственный рот со стороны через чёрное стекло телефона. Ей почему-то казалось, что под губой у неё лежит обыкновенная хлебная крошка, которую можно убрать в два движения. При попытке убрать крошку сбилось дыхание, и «ты мне место придержи» вышло настойчивым «дай-и-и мне». Игорь не удержался и сказал:

— Не дам, моя дорогая.

Кролик сел на задние лапы и со вкусом заскрёб носом по пластиковой дверце. Игорь с обидой посмотрел на переноску. Смеяться оба начали только тогда, когда на их «не дам» откликнулся холодильник, да так музыкально, что Влад снял наушники и осторожно попросил всех помолчать. Минуту они все стояли неподвижно у серого вечного источника шума. Холодильник тянул ноту. От неё можно было взять выше, уйти в сторону на полтона, оставить её внизу и позвать оттуда целый знакомый дом. После тридцати лет у человека странное ожидание: старый голос обязан согласно давно заслуженному месту вставать на тот самый гвоздь, где он висел бледным пальтишком с импортным поясом в девяносто шестом году. Здесь настоящим низким звуком оказался гул облезлого холодильника, который даже сметану держал только до вечера.

На второй попытке они оставили в записи его малый начальный ход и три человеческих голоса. Мама подхватила первую строчку так, словно опять позвала у хода возле кассы самого близкого своего человека. На второй паре звуков Влад почти прошептал, как вчера, «придержи» и подал им едва видный поворот двумя пальцами вверх. На паузе Инга перестала смотреть в стекло. Ей нравился сейчас именно этот обыкновенный парень, чей рот они видели впервые, а руку научились слушать ещё вчера. Дотянула до конца, выждала один короткий вздох и сказала:

— Привет вам из Липова Моста. Мы «Поворот». Сколько нас приедет, пока неизвестно. Просьба дело о фонарях особо тяжким не считать.

— Готово, — сказала Злата и выключила камеру.

Так они оставили в видеописьме видимую только на самом краю плетёнку с сухими трубочками и которую-то торчащую из-под стола ступню. Записали сразу, не обрабатывали несколько дней согласно правильному решению написанных листов. Через семь минут Жанна, внимательно проверив и холодильник, и кролика, и протёртую половину слова «Мост» около двери бывшего кабинета гигиены, прислала им пять живых рукоплесканий. «Как здорово, что вы ещё живы, напишите мне нормальное название к выходным и когда ждёте осиновцев. Им подходит за две недели до ваших поездок».

Мама перестала на время есть вафли. Выяснила, что у Златы есть ещё неделя записать на общем заявлении свою городскую ярмарку, договариваться с соседями, мастерицей, которая ей в прошлом году привела трёх хороших, довольных друг другом клиентов. Коробка с кроликом отчалила под мышку новой обладательнице очень яркого сложного высокого начёса, и одна из оставленных трубочек медленно покатилась в ту сторону, откуда вошли два ряда света. Первой от холодильника отошла мама. Забрала Влада за собой попутать какие-то булавки для маленьких ковров и разглядеть гостевой трамвайный вагон в новой торговой мастерской.

— А ты куда? — спросил Игорь.

— Я хотела бы пойти погулять с человеком, который не будет мне ничего советовать. Можешь выбрать, ты это или нет.

— Я её могу проводить, — сказал Игорь, обращаясь к Злате.

— А если она сама шагает? — спросила Злата.

— Обычно шагает первой, — сказал Игорь. — С детства помню. Я надеюсь узнать, как теперь.

Вдвоём они прошли от детского магазина до трамвайной будки. В Мосту было очень странное движение: трамвайные рельсы по краю бывшего склада давно закатали в асфальт, а будку оставили не для красоты, а чтобы в ней сидел старый продавец лотерейных билетов. Жизнь носила ему по утрам пластиковый стул, два раза за день списывала с его лёгких краев прилипшие сухие листья, а к вечеру возвращала домой кого-нибудь с выигрышем в тысячу рублей или с простым по-городскому весёлым желанием ещё пару минут постоять в очереди.

— Я первый раз после Ляли с женщиной к холодильнику ходил, — сказал Игорь. — Приготовился к тому, что буду вспоминать её каждые тридцать секунд, хотя она не любила ни кроликов, ни дорогие парикмахерские, ни когда в кухне стоит больше двух музыкантов. А пока мы там были, только про неё один раз подумал. Нормально мне так. Ты не обещай мне, что лучше будет не говорить и я пока желанный красивый мужчина с трёх часов дня и по следующую среду. Говорить всё равно иногда буду.

— Когда от меня ушёл Костя, — сказала Инга, — я три раза ставила его ботинки возле двери, чтобы спотыкаться. И не только потому, что любила. В первый раз случайно, когда убирала. На второй специально его про себя ругала, а на третий хотела позвонить и потребовать забрать — ну хоть на минуточку позвать в дом. А потом вспомнила, что грязные какие-то и не знаю, чьи. Оказалось, были Гени Паштета, он у нашего порядочного руководителя попросил их в поход подменить. С тех пор мне легче людям про бывших супругов говорить, когда я окончательно знаю, чьи в доме ботинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.